

только федерального уровня (Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и пр.), но и регионального (законы «О социальной защите лиц, освобождаемых и освобожденных из учреждений, исполняющих уголовные наказания» (Республика Башкортостан), «О квотировании рабочих мест в Тамбовской области» и т. д.).

В-третьих, ввиду отсутствия исчерпывающего перечня критериев, которыми руководствуется суд при условно-досрочном освобождении и иных видах досрочного освобождения (ст. 79–81 и др. УК РФ), следует оценить при принятии указанных решений в стадии исполнения приговора возможность учета правопослушного (или правонарушающего) поведения осужденных с точки зрения исполнения ими мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой, и соблюдения различных пробационных мер, и их отнесения к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию в данном производстве (ст. 397 и 399 УПК РФ).

С учетом сказанного актуализировался вопрос относительно участия в судебных заседаниях при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора субъектов пробации (заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и др.) и ее иных участников, заинтересованных в решении задач, стоящих в рамках реализации положений в сфере пробации.

Констатируем, что принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» образует новые направления развития уголовного, уголовно-процессуального и иного права по вышеуказанным и иным направлениям, расширяет предмет уголовно-исполнительного права, а также свидетельствует о новом этапе совершенствования теоретико-прикладных аспектов исполнения наказаний.

Петрянин Алексей Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, профессор кафедры уголовного права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам на примере экстремистских преступлений

В начале проводимого исследования отметим, что 28 ноября 2023 года в Нижегородской академии МВД России, совместно с Нижегородским филиалом международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» проведена международная научно-практическая конференция «Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам». Данное мероприятие было организовано на высочайшем уровне, о чем свидетельствует количество его участников, а также значимость поднятых проблем. Конференции по проблемам борьбы с преступностью, организованные кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии России, проводятся ежегодно. Совместно с Нижегородским филиалом международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» они проводятся с 2017 года, с момента открытия филиала Союза в Нижнем Новгороде и заключения соглашения о сотрудничестве. Это дало толчок к проведению в рамках нижегородской научной школы представительских мероприятий и доктринальных изысканий, в том числе, посвященных проблемам противодействия экстремизму. В частности, уже завершены стали исследования, проведенные С. Ю. Богомоловым, И. М. Пшеничным, Н. В. Летелкиным, Ю. С. Магнутовым¹. В настоящее время деятельность Нижегородской научной школы в области противодействия экстремизму продолжается. Изучением проблем уголовного правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на

¹ Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017; Пшеничнов И. М. Ответственность за наем в российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017; Летелкин Н. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018; Магнутов Ю. С. Уголовно-правовое противодействие специальным формам экстремистской деятельности (ст. 282¹ и ст. 282² УК РФ): теория, техника, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.

основы конституционного строя и безопасности государства занимается Айрат Саатович Ахметшин, руководитель следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, проходя обучение в аспирантуре Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, что подтверждается его публикационной активностью¹.

Отмеченное выше, как и непрекращающаяся мутация экстремисткой деятельности, во-первых, указывают на то, что научное сообщество активно озадачено взятым для исследования направлением, во-вторых, актуализирует потребность в демонстрации как достижений, так и возможных проблем в разработке и применении политических, социальных, религиозных и, конечно же, юри-дико-технических механизмов противодействия экстремизму.

В этой связи полагаем, что более репрезентативным будет изложение текста статьи, предполагающее его деление на две части. В рамках первой будут представлены методологические аспекты. Во-второй — теоретико-прикладные направления, сосредоточенные на совершенствовании уголовно-правового противодействия разным проявлениям экстремистской деятельности.

Говоря о методологии противодействия экстремизму, необходимо подчеркнуть, что свое юридическое начало данное направление берет в 2002 году с момента принятия и вступления в силу Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности»². Соглашаясь с тем, что в нем заложен глубокий репродуктивный потенциал, отметим, что в рассматриваемом акте федерального значения содержится существенный пробел, породивший ряд юридических коллизий. Пробел заключается в отсутствии в нем главной дефиниции «экстремизм», с заложенными в ней базовыми характеристиками рассматриваемого деликвентного явления. Считаем, что это не только усложняет противодействие экстремисткой деятельности, но и не позволяет должным уровнем превентивно воздействовать на детерминанты ее порождающую. Обращая внимание научной общественности на данное обстоятельство, а также на положения статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», где терроризм отнесен к форме экстремизма, то есть первое явление является разновидностью второго, отметим, что в Федеральном законе № 35-ФЗ от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму» понятие терроризма закреплено³.

Отмеченная выше проблема повлекла за собой не менее значимую юридико-техническую коллизию, нашедшую свое закрепление в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). Это касается понятия преступлений экстремистской направленности, обремененных мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. В первоначальной редакции диспозиции статьи 282¹ УК РФ⁴ была предпринята попытка определения исчерпывающего перечня таких деяний⁵. Он состоял всего из восьми преступлений. Применение такого юридико-технического приема показало его несостоятельность, по причине

¹ Ахметшин А. С. Основы конституционного строя и безопасности государства как объекты уголовно-правовой охраны при противодействии экстремизму // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 4 (60). С. 110–116; Ахметши А. С. обусловленность уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства // *Уголовно-исполнительное право*. 2023. Т. 18. № 2. С. 252–260; Ахметшин А. С. Уголовно-правовое противодействие преступлениям с признаками экстремистской деятельности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2023. Т. 14. № 2 (52). С. 44–50.

² О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 30, ст. 3031.

³ О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 11, ст. 1146.

⁴ О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 30, ст. 3029.

⁵ Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148), воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149), хулиганство (ст. 213), вандализм (ст. 214), уничтожение или повреждение памятников истории или культуры (ст. 243), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282), которые совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

частого выявления указанных выше мотивов и при совершении иных деяний. В этой связи законодателем было принято принципиально иное решение, позволяющее до настоящего времени относить к изучаемой категории общественно опасных деяний любое преступление, совершение которого обременено экстремистским мотивом¹. Такой прием стал не менее дискуссионным. Во-первых, он делает перечень преступлений экстремистской направленности не ограниченным, и, с одной стороны, может быть воспринят как излишне репрессивный, а с другой — усложняет выработку единой концепции уголовно-правового противодействия экстремизму. С нашей точки зрения, учитывая концепцию и структуру уголовного закона, перечень исследуемых деяний необходимо ограничить, где первое место для отнесения их к таковым должен занять объект уголовно-правовой охраны, а второе — мотив посягательства. Применение такого подхода дает возможность сконцентрировать преступления экстремистской направленности в тех главах УК РФ, методологически неразрывно связанных между собой и позволяющих применять схожие юридико-технические модели уголовно-правового противодействия экстремизму и терроризму как смежных явлений (Главы 24, 29 и 34 УК РФ).

Предлагаемая научная гипотеза дает основание выступить с предложениями о совершенствовании УК РФ, в том числе, разработанными на площадке нижегородской научной школы в области противодействия экстремизму и терроризму.

Начнем с самого значимого объекта уголовно-правовой охраны, жизни и здоровья личности, все чаще и чаще страдающих от экстремистских посягательств. Мотивы ненависти или вражды включены в целый комплекс норм Главы 16 УК РФ (ст. 105, 111, 112, 115–117 УК РФ). Учитывая доказанность факта, что права жертв таких преступлений являются лишь дополнительными объектами, первоначальное посягательство на которые создает условия для посягательства на основной объект преступления, в качестве которого выступают общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя и безопасность государства, целесообразным видится дополнение Главы 29 УК РФ статьей «Экстремистское посягательство на личность», унифицированная конструкция которой позволит взять под охрану как жизнь, так и здоровье потерпевшего, тем самым верно расставив объекты уголовно-правовой охраны².

Нельзя обойти стороной активно развивающийся групповой экстремизм. Специальные формы экстремистской деятельности, ответственность за которые закреплена в статьях 282¹, 282² УК РФ, с учетом активно развивающегося уровня из организованности требует пересмотра имеющегося сегодня уголовно-правового концепта. Считаем вполне обоснованным и оправданным предложение как о частичном изменении указанных статей, так и дополнении уголовного закона новыми уголовно-правовыми запретами, устанавливающими ответственность за организацию экстремистской группы, а также закреплении в УК РФ новой формы соучастия «экстремистское сообщество»³.

Учитывая, что в экстремизме, как и терроризме, есть экономические детерминанты, встает вопрос о повышении уровня уголовно-правового противодействия финансированию экстремистско-террористической деятельности. Наиболее значимыми инструментами в данной области должны стать механизмы самостоятельной криминализации финансирования экстремизма и терроризма, а также обязательной дифференциации ответственности в зависимости от размера финансирования⁴.

Завершая исследование подчеркнем, что в ближайшие годы будет наблюдаться рост экстремистской активности, что, конечно же, требует симметричной государственно-властной реакции, в том числе и путем совершенствования уголовного законодательства. Предлагаемые в статье юридико-технические механизмы дополняют учение в области уголовно-правового противодействия экстремистско-террористической преступности и могут быть учтены в законотворческой деятельности.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

² Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия экстремистской деятельности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 19.

³ Магнутов Ю. С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности (ст. 282¹ и ст. 282² УК РФ): теория, техника, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. С. 12–13.

⁴ Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. С. 10.